

*СИЗЫХ Оксана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Автор 131 научной публикации, в т. ч. одной монографии, одного учебного пособия**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ «ЧЕХОВСКОГО ТЕКСТА» В РАССКАЗЕ Л.Е. УЛИЦКОЙ «БОЛЬШАЯ ДАМА С МАЛЕНЬКОЙ СОБАЧКОЙ»

Изучение интертекстуальных единиц художественного текста в сравнительном аспекте является одним из приоритетных направлений современной литературной науки. Речь идет прежде всего о наличии таких специфических связей в текстах, благодаря которым они явно или опосредованно ссылаются друг на друга. В статье исследуются интертекстуальные связи между рассказами «Большая дама с маленькой собачкой» Л.Е. Улицкой и «Дама с собачкой» А.П. Чехова. Известно, что интертекстуальность является характерной особенностью прозы Л.Е. Улицкой, что обнаруживается даже в заголовках текстов писательницы («Бедные родственники», «Люди нашего царя», «Пиковая дама», «Сонечка», «Медея и ее дети»). В работе рассматриваются авторские приемы («вторичная» метафоризация чеховского слова, аллюзивное письмо), помогающие понять своеобразие решения художественной задачи, поставленной в рассказе «Большая дама с маленькой собачкой». Цель статьи состоит в том, чтобы выявить функции аллюзии и метафоры в рассказе писателя-постмодерниста; показать, что именно интертекстуальность выступает здесь способом построения «смысла», в пределах которого осуществляется взаимодействие текста классического произведения и экспериментального опыта постмодерниста. В статье раскрывается стилистическая и семантическая функция аллюзий и то, как название рассказа Чехова («Дама с собачкой») преобразуется у Л.Е. Улицкой в обобщенную формулу «большая дама с маленькой собачкой», обозначающую разрушение традиционных семейных связей в современном обществе. Акцентируется мысль о том, что «припоминание» чеховского слова в рассказе Л.Е. Улицкой определяется ментальной метафорой женского образа, приемами антитезы и портретирования. Метафора в тексте Л.Е. Улицкой рассматривается и как прием типизации, и как способ выражения авторского понимания мира.

Ключевые слова: Л.Е. Улицкая, А.П. Чехов, интертекстуальность, «вторичная» метафоризация чеховского слова, аллюзивное письмо.

*Адрес: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58; e-mail: 777ruslit@mail.ru.

Для цитирования: Сизых О.В. Функционирование «чеховского текста» в рассказе Л.Е. Улицкой «Большая дама с маленькой собачкой» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 1. С. 139–145. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.139

Своеобразие творческой индивидуальности Л.Е. Улицкой, типология и поэтика ее прозы рассмотрены в работах Г.А. Пушкарь [1], Н.А. Егоровой [2], О.В. Побивайло [3], Т.А. Скоковой [4], Н. Лю [5], Э.В. Лариевой [6], С.А. Григорь [7], С. Чао [8] и других исследователей. Неоднократно отмечалось, что в прозе Улицкой полемически соотносятся мифологическое и реальное, реалистическое и модернистское, обнаруживаются интертекстуальные связи с классическими произведениями. Кажущиеся обыденность стиля и несложность повествовательной манеры Улицкой не следует недооценивать. Метафоры, порождаемые на основе явной или неявной связи ее текстов с известными произведениями других авторов, направленные в сторону последних ассоциации во многом объясняются приверженностью писательницы к традициям русской литературы и раздумьями над судьбами «маленьких людей», их нерадостной житейской участью.

«Я всегда была читающей девочкой», – признавалась писательница в одном из своих интервью и в нем же высказывала свое восхищение языковым мастерством А.П. Платонова и В.В. Набокова¹. Особенности мировидения Улицкой помогают понять и другие ее признания: «Мне чужд пафос борьбы с жизнью, укоры в несправедливости. От сотворения мира никогда не было социальной справедливости»². Постмодернизм Улицкой нашел питательный источник в ее активном созерцании бытовой, плоскостной стороны жизни. В ее рассказе «Большая дама с маленькой собачкой» трансформация известных из классической литературы образов и «текстов-высказываний» происходит с учетом именно этой творческой установки.

Данный рассказ вошел в сборник «Люди нашего царя»³, где Улицкая размышляет о смысле человеческой жизни, предназначении женщины, взаимоотношении полов. Название рассказа обнаруживает явную и отнюдь не формальную параллель с «Дамой с собачкой» А.П. Чехова, что вполне соответствует постмодернистской практике интертекстуального письма, в котором обнаруживаемый претекст задает внутренне полемический диалог с авторским текстом-реципиентом, создавая тем самым ведущую опору для смыслопорождения.

Чеховская формула «дама с собачкой», связанная с мотивом эмансипации женщин, полифункциональна в рассказе Улицкой. Очевидна ее смысловая связь с сюжетами обоих рассказов. «Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой» – этими словами начинается чеховский рассказ. Немногим далее портрет героини конкретизируется («молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете»); она «гуляла одна, все в том же берете, с белым шпирцем; никто не знал, кто она, и называли ее просто так: дама с собачкой»⁴. По мере развития сюжета прямое значение выражения «дама с собачкой» семантически обогащается, углубляется, а обыденная история «курортного романа» преобразуется в подлинную трагедию, не имеющую разрешения.

В начале рассказа Чехов знакомит читателя и с другим героем – Дмитрием Дмитриевичем Гуровым, но в отличие от портрета дамы, в котором акцентированы гендерные характеристики, в его портрете на первый план выдвигаются черты, связанные с его социальным статусом: «...он москвич, по образованию филолог, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил...»⁵. В рассказе Улицкой

¹Георгадзе М. Интервью Людмилы Улицкой. URL: http://magazines.russ.ru:81/novy_i_mi/redkol/ulickaia/geor.html (дата обращения: 10.01.2016).

²Глебова О. Людмила Улицкая: Мне чужда борьба с жизнью. URL: http://magazines.russ.ru:81/novy_i_mi/redkol/ulickaia/kn.html (дата обращения: 13.02.2016).

³Улицкая Л.Е. Большая дама с маленькой собачкой // Улицкая Л.Е. Люди нашего царя. М., 2005. С. 188–199.

⁴Чехов А.П. Дама с собачкой // Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1986. Т. 10. С. 130.

⁵Там же. С. 132.

встречается, казалось бы, случайная переключка характеристических черт Гурова и одной из героинь – Веточки: она – дочь ветеринара и, как и Гуров, имеет филологическое образование.

У Чехова опыт общения Гурова с женщинами дается в трех семантических планах. В плане семейном: его супруга «мыслящая», «она много читала, не писала в письмах Ъ, называла мужа <...> Дмитрием, а он в тайне считал ее недалекой <...> боялся ее»⁶; в плане соотношения с мотивом донжуанства: Гуров думал «...о беззаботных, добродушных женщинах, веселых от любви, благодарных ему за счастье, хотя бы очень короткое; и о таких, как, например, его жена, которые любили без искренности <...> и о таких двух-трех, очень красивых, холодных, у которых вдруг промелькнуло на лице хищное выражение, упрямое желание взять, выхватить у жизни больше, чем она может дать, и это были не первой молодости, капризные, не рассуждающие, властные, не умные женщины»⁷. И, наконец, в плане иронично-мелодраматического переживания героем утраченного объекта чувственного влечения, впоследствии это переживание вырастает до подлинного чувства любви и обрекает героя на одиночество – после отъезда «дамы с собачкой» Гуров «был растроган, грустен и испытывал легкое раскаяние; ведь эта молодая женщина, с которой он больше уже никогда не увидится, не была с ним счастлива; он был приветлив с ней и сердечен, но все же в обращении с ней в его тоне и ласках сквозила тенью легкая насмешка; грубоватое высокомерие счастливого мужчины, который к тому же почти вдвое старше ее...»⁸.

В описании чувственных приключений Гурова автор «Дамы с собачкой», кажется, отталкивается от ментальных определений оппозиции «мужчина – женщина», но лишь до того момента, пока сюжетная линия «Анна Серге-

евна – Гуров» не становится неповторимо-конкретной и семантически выразительной.

В тексте Улицкой соотношение образа героини с прецедентным образом «дамы с собачкой» происходит с помощью театрального мотива, возможно, выполняющего, с одной стороны, функцию припоминания прозы Чехова, особенно его драматургии, а с другой – игровую функцию (театральный мотив связан с поэтикой игры). И в этом аспекте весьма важным оказывается аллюзивный характер названия рассказа, благодаря которому реализуется функция интертекстуальности, находит выражение авторская интенция, ориентированная на преднамеренную языковую игру с чужим словом, включенным в новое текстовое окружение.

К раскрытию заданной Чеховым темы скрытой трагической стороны жизни человека Улицкая подходит своеобразно, используя этнокультурные коды. Рисуя портрет «чеховской героини», она отмечает ее этнические особенности: «В ней чувствовалось присутствие татарской крови: карие глаза враскос, длинные плавные брови, некоторая излишняя скуластость очень красивого лица»⁹. Автор позиционирует женский образ как феномен культуры.

Генеалогическое древо фамилий Татьяны Сергеевны – героини рассказа Улицкой – строится как культурно закодированное событие: «По материнской линии она происходила от донских казаков, а эта была порода, известная красотой, смелостью, и примесью – через черкесских жен – кавказской горской крови»¹⁰. Дополняет портрет героини авторский ироничный комментарий: «Оттуда и унаследовала Татьяна Сергеевна свою лошадиную – в смысле самом похвальном – фигуру: довольно массивный верх, длинную спину, чудную шею с изгибом, сухие ноги с фигурными лодыжками.

⁶Чехов А.П. Указ. соч. С. 130.

⁷Там же. С. 133.

⁸Там же. С. 137.

⁹Улицкая Л.Е. Указ. соч. С. 188.

¹⁰Там же.

Прямо над бровями свисающая челка подчеркивала сходство»¹¹.

Задача Улицкой отнюдь не в том, чтобы предельно сблизить образы Татьяны Сергеевны и чеховской Анны Сергеевны. Напротив, писательница подчеркивает временную и духовную дистанцию между ними. По этой причине такая деталь, как «чудная шея с изгибом», перекликающаяся с «тонкой, слабой шеей» Анны Сергеевны, в тексте Улицкой наделяется функцией стимула к припоминанию известного, но уже смутного, забытого образа. Тут интертекстуальность, т. е. сама идея «диалога между текстами», выступает в качестве маркера, обозначающего отсутствие реального, субъектного диалога между настоящим и прошлым.

Изменения во внешних подробностях разительные: в описании своей героини Улицкая усиливает мотивы безотчетной внутренней силы и физической мощи. Эти мотивы сближают образ Татьяны Сергеевны с образом «неизящной» жены Гурова: «высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная»¹². Черты сдержанной телесности в портрете и скрупулезная его прорисовка как Чеховым, так и Улицкой связаны с общественной реальностью и выступают у того и другого автора маркером социальной роли женщины. Портреты эмансипированной супруги Гурова и Анны Сергеевны контрастны, в то время как описание Татьяны Сергеевны сочетает в себе детали внешности и супруги Гурова (брови), и Анны Сергеевны (красота лица). Именно скупость этих деталей позволяет говорить о «случайном» характере переключек между ними.

Таким образом, в рассказе Улицкой портрет раскрывает метафорическую суть аллюзии на чеховское произведение. Будучи другой, «новой» женщиной по отношению к чеховской «даме с собачкой», «большая дама» принадлежит к театральной богеме. Театральность

выступает как основная функция образа. В рассказе же Чехова «театральность» персонажей, если эту самую театральность понимать в смысле публичного (внешнего) существования, требующего соблюдения определенных условностей, в конечном итоге преодолевается. Доминантой сюжетной линии «Гуров – Анна Сергеевна» становится мотив «тайной», «внутренней» жизни, к тому же еще больше усиливающий отчужденность героев от окружающей их среды.

Исследуя диалогические отношения текстов Улицкой и Чехова, современный ученый приходит к выводу, что социально-этическая проблематика, художественные приемы создания характера, нарочитое внимание к деталям, подтексту и недоговоренностям – все то, что составляет основу повествовательной манеры писательницы, во многом заимствовано ею у классика [4, с. 16].

Два образа – чеховской дамы со шпигелем и «большой дамы» со скотч-терьером Чучей – вступают в интертекстуальные связи. Связи эти неоднозначны, поскольку организованы по принципу притяжения/отталкивания. Двойная (двусмысленная) связь между образами текста-«донора» и текста-«реципиента» формирует подтекст рассказа Улицкой. Смысловым ядром метафоры «большая дама с маленькой собачкой» становится оппозиция «артистический талант в жизни – бездарность на сцене»¹³. Таким образом, в рассказе Улицкой метафора судьбы чеховских персонажей (дар любви – отчужденность от среды) переосмысливается.

Анималистический образ вводится Улицкой нарочито: «Вскоре после выхода Татьяны Сергеевны на пенсию к дому прибилась молодая девушка. Случайным образом, через собачку Чучу»¹⁴. Согласно словарной статье В.И. Даля, одно из значений слова «чуча» – «подобие человека, кукла»¹⁵. Связь героини с ее питомцем

¹¹ Улицкая Л.Е. Указ. соч. С. 188–189.

¹² Чехов А.П. Указ. соч. С. 130.

¹³ Улицкая Л.Е. Указ. соч. С. 189.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 557.

не только эмоциональная. Образ жизни Татьяны Сергеевны – «зеркальное» отражение «биографии» собаки. Чучей звали цирковую собаку известного советского клоуна Карандаша.

Чрезвычайно актуальна в рассказе Улицкой и заданная чеховским рассказом тема взаимоотношения полов. Чеховская «дама с собачкой» – это тип женщины, которая изменяет мужчине; «большая дама с маленькой собачкой» – тип женщины состоявшейся, формирующей мужчину. Писательница использует концептуальное содержание названия чеховского рассказа в качестве ведущего приема исследования и обобщения современной действительности. Языковая игра «большая дама с маленькой собачкой», построенная на антиномии (большой/маленький), служит раскрытию смены социальной парадигмы в обществе, а также роли женщины и мужчины в нем.

Язык Улицкой прозрачно-метафоричен, поскольку полемически воспроизводит элементы стереотипного мышления: «вечная жизнь», «семейная ткань» («Они жили долго...»), «фундаментальный закон» («...И умерли в один день»), «болезнь» («Последняя неделя»), «семейный фотопортрет» («Менаж а труа») и т. д. Подобных метафор не может быть много, иначе проза писательницы превратилась бы в пародийную стилизацию. Максимум две в пределах одного небольшого рассказа. Этого достаточно, чтобы

с помощью метафоры добиться типизации той действительности, к которой она обращается в своих текстах. Метафора создает подтекст и диалогически заостряет авторское повествование.

В прозе Улицкой рассказ «Большая дама с маленькой собачкой» далеко не единственный, в котором ведущим приемом организации смыслового пространства текста является интертекстуальность. Опора на «вторичную» трактовку социально-бытовых мифологем и популярных литературных метафор, интенсивное использование чужого слова (цитатность), аллюзивное письмо – все это в рассказах писательницы направлено на создание сюжетных ситуаций, образов героев, впечатляюще демонстрирующих необратимые сдвиги в социальной психологии и моральных установках людей, живущих рядом с нами. Можно даже создать своего рода интертекстуальное поле рассказов Улицкой. Так, например, «Большая дама с маленькой собачкой» провоцирует новое переживание конфликта героев со средой, описанного в «Даме с собачкой»; рассказы «Путь осла», «Тело красавицы», «Приставная лестница» насыщены реминисценциями из рождественской прозы Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского; рассказ «Том» отсылает к мотивам лирики А.А. Ахматовой; рассказ «Москва – Подрезково» трудно понять без знания текста Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки».

Список литературы

1. Пушкарь Г.А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 234 с.
2. Егорова Н.А. Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 180 с.
3. Побивайло О.В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 165 с.
4. Скокова Т.А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2010. 168 с.
5. Лю Н. Художественное своеобразие малой прозы Людмилы Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 179 с.
6. Лариева Э.В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой. Петрозаводск, 2009. 249 с.
7. Григорь С.А. Повествовательные стратегии в прозе Л. Улицкой. Саратов, 2012. URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/Grigor_0.pdf (дата обращения: 13.02.2016).

8. Чао С. Средства создания характера в рассказах Л. Улицкой. URL: <http://cheloveknauka.com/sredstva-sozdaniya-haraktera-v-rasskazah-l-ulitskoy> (дата обращения: 13.02.2016).

References

1. Pushkar' G.A. *Tipologiya i poetika zhenskoy prozy: gendernyy aspekt: na materiale rasskazov T. Tolstoy, L. Petrushevskoy, L. Ulitskoy*: dis. ... kand. filol. nauk [Typology and Poetics of Women's Prose: The Gender Aspect: Based on the Stories by T. Tolstaya, L. Petrushevskaya and L. Ulitskaya: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Stavropol, 2007. 234 p.
2. Egorova N.A. *Proza L. Ulitskoy 1980–2000-kh godov: problematika i poetika*: dis. ... kand. filol. nauk [L. Ulitskaya's Prose of the 1980s – 2000s: Problems and Poetics: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2007. 180 p.
3. Pobivaylo O.V. *Mifopoetika prozy Lyudmily Ulitskoy*: dis. ... kand. filol. nauk [Mythopoetics of Lyudmila Ulitskaya's Prose: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2009. 165 p.
4. Skokova T.A. *Proza Lyudmily Ulitskoy v kontekste russkogo postmodernizma*: dis. ... kand. filol. nauk [Lyudmila Ulitskaya's Prose in the Context of Russian Postmodernism: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Orenburg, 2010. 168 p.
5. Lyu N. *Khudozhestvennoe svoeobrazie maloy prozy Lyudmily Ulitskoy*: dis. ... kand. filol. nauk [Artistic Originality of Lyudmila Ulitskaya's Flash Fiction: Cand. Philol. Sci. Diss.]. Tambov, 2009. 179 p.
6. Larieva E.V. *Kontseptsiya semeystvennosti i sredstva ee khudozhestvennogo voploshcheniya v proze L. Ulitskoy* [The Concept of Attachment to Family Life and Means of Its Artistic Expression in L. Ulitskaya's Prose]. Petrozavodsk, 2009. 249 p.
7. Grigor' S.A. *Povestvovatel'nye strategii v proze L. Ulitskoy* [Narrative Strategies in L. Ulitskaya's Prose]. Saratov, 2012. Available at: http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/Grigor_0.pdf (accessed 13 February 2016).
8. Chao S. *Sredstva sozdaniya kharaktera v rasskazakh L. Ulitskoy* [Means of Creating a Character in L. Ulitskaya's Stories]. Available at: <http://cheloveknauka.com/sredstva-sozdaniya-haraktera-v-rasskazah-l-ulitskoy> (accessed 13 February 2016).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.139

Oksana V. Sizykh

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov;
ul. Belinskogo 58, Yakutsk, 677000, Respublika Sakha (Yakutiya), Russian Federation;
e-mail: 777ruslit@mail.ru

THE FUNCTIONING OF THE CHEKHOV TEXT IN L.E. ULITSKAYA'S STORY "THE BIG LADY WITH THE LITTLE DOG"

Research on intertextual units of a literary text in the comparative aspect is one of the priorities of modern literary studies. It primarily concerns such specific links in the texts via which these text directly or indirectly refer to each other. This article examines the intertextual relationship between the stories "The Big Lady with the Little Dog" by Lyudmila Ulitskaya and "The Lady with the Dog" by Anton Chekhov. Intertextuality is known to be characteristic of Ulitskaya's prose; it can be found even in the titles of her works ("Poor Relatives", "The People of Our Tsar", "The Queen of Spades", "Sonechka", "Medea

For citation: Sizykh O.V. The Functioning of the Chekhov Text in L.E. Ulitskaya's Story "The Big Lady with the Little Dog". *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 1, pp. 139–145. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.139

and Her Children”). This paper deals with the author’s techniques (secondary metaphorization of the Chekhov word and allusive letter) that help one understand the unique way in which the author solves her task in “The Big Lady with the Little Dog”. This article aimed to identify the functions performed in this story by allusions and metaphors and to show that intertextuality is used to create a meaning, within which Chekhov’s classical work interacts with Ulitskaya’s postmodernist experiment. Further, this paper reveals the stylistic and semantic functions of allusions and how the name of Chekhov’s short story (“The Lady with the Dog”) is transformed by Ulitskaya into the generalized formula “The Big Lady with the Little Dog”, indicating a breakdown of traditional family ties in modern society. In addition, the article highlights the idea that the reader is reminded of Chekhov’s story through the use of mental metaphor of the female image, antithesis and portraiture by Ulitskaya. Metaphor in Ulitskaya’s text is regarded both as typization and as a way of expressing the author’s understanding of the world.

Keywords: *L.E. Ulitskaya, A.P. Chekhov, intertextuality, secondary metaphorization of the Chekhov word, allusive letter.*

Поступила: 28.03.2016
Received: 28 March 2016